

Содержание

Предисловие Лешека Бальцеровича	7
От авторов	13
Книга, написанная из-под палки	15
Геннадий Бурбулис:	
«Ельцин служил нам!»	39
Люди и идеи	40
Ельцин: вместе и рядом	42
Появление Гайдара.....	51
Демарши и отставки.....	57
Распад СССР	63
О Гайдаре.....	76
Анатолий Чубайс:	
«Представление о справедливости у народа мы сломали ваучерной приватизацией»	79
Московские и питерские	82
Неизбежность перемен	84
С Ельциным или сами	88
Сложный выбор	100
Реформы и развал СССР	103
Октябрь 1993-го.....	107
Мы за 30 лет ни разу не поругались.....	109

Александр Шохин:

«Мы взяли столько власти, сколько было возможно»	113
Сколько было программ	115
Воспоминания о кандидатах	119
Правительство камикадзе	124
Выборы премьера	130
Между Гайдаром и Черномырдиным	132
Расставание с Гайдаром	134
Вино, Ельцин и неудавшаяся коалиция	136
Хороший премьер Черномырдин	139

Андрей Нечаев:

«Неприлично во всех грехах обвинять прежнюю власть»	143
Положение в стране	145
Голод и холод	152
К вопросу о деньгах	156
Сепаратизм	158
Работа с Гайдаром	161
Когда стало спокойнее	163
Об ошибках	167
Опять о Гайдаре	169
Сегодняшний день	172

Владимир Лопухин:

«Такая вот костоломная машина...»	176
Почему Гайдар?	182
Освобождение цен	185
«Лукойл», ЮКОС, «Сургутнефтегаз»	187
Работа и отставка	191
Смена элит	195
Дикий темп	199
Крайне порядочный человек	200

Станислав Анисимов:

«Это был какой-то кошмар»	202
Зарубежный опыт для СССР	203

Академик Велихов и экспорт меди	205
Как рассыпалась система.....	208
«Голод бы наступил...»	211
Попытки удержать Союз.....	213
Молодые реформаторы.....	219
«Путин шел практически на уголовку».....	222
«Можно ли было сохранить Союз?»	224
Владимир Машиц:	
«Мы были как буржуазные специалисты в Гражданскую войну».....	226
Революция – это импульс.....	227
Почему Гайдар?.....	230
Публичная политика	233
Распад Союза.....	237
Команда Гайдара – военспецы.....	242
Андрей Козырев:	
«Настоящий камикадзе».....	253
В МИДе СССР.....	254
Переход в МИД России.....	261
Смена курса.....	263
Отношение Запада.....	267
Гуманитарная помощь.....	273
Внутренние противоречия	276
Горячие точки.....	280
СНГ и НАТО.....	284
В отставке.....	286
Сергей Шахрай:	
«После этих событий Ельцин стал более замкнутым, более злым и мстительным».....	288
Работа в парламенте.....	290
Команда Ельцина.....	296
Путч 1991-го.....	301

Распад СССР	306
Беловежская Пуца	309
О правительстве	315
О Гайдаре и Ельцине — личное	321
Павел Грачев:	
«Мне удалось удержать армию от распада»	327
Служба до 1991 года и путч ГКЧП	328
На посту министра	337
Отношения с НАТО	343
Отставка и после	346
О правительстве Гайдара	348
Поход в Чечню	351
Армия и путч 1993 года	354
Джеймс Бейкер:	
«Вы так и не построили свободную рыночную экономику» ...	363
Беседы с Гайдаром	375
Беседа первая. Об отставке	376
Беседа вторая.	
О морали и эффективности в политике	382
Беседа третья. О войне	393
Беседа четвертая. О приватизации	398
Что мы узнали	404
Заключение	413
Послесловие Карла Бильдта	415
Именной указатель	422

От авторов

Лежащая перед вами книга — сборник наших бесед с членами первого посткоммунистического правительства России, начавшего свою работу в ноябре 1991 года (а также с Дж. Бейкером — тогдашним госсекретарем США). Обычно это правительство называют по имени лидера его экономического блока — Егора Гайдара. Собственно, о Егоре мы и собирались говорить изначально, желая защитить его память от глупых мифов, удручающе несправедливых обвинений и разнообразной лжи. Однако уже во время самых первых встреч с нашими собеседниками мы вышли за рамки «бесед о Егоре» и начали обсуждать значительно более широкий круг вопросов — ситуацию в СССР накануне реформ Ельцина—Гайдара; возможные варианты действий; ошибки и компромиссы реформаторов; причины успехов и неудач и т.п.

Будучи экономистами, мы понимали, что важный фактор успеха любого дела — сравнительные преимущества его исполнителей. У нас их было два. Первое — наша вовлеченность в обсуждаемые процессы. Второе — близкие, доверительные отношения со всеми нашими собеседниками. Именно благодаря этим преимуществам нам, как кажется, удалось «выжать» из героев книжки много неожиданного, нового и благодаря этому что-то новое понять и узнать для себя и для будущих читателей.

На время работы правительства Гайдара пришелся распад СССР, смена общественно-политического строя во всех республиках бывшего Союза, изменение вектора внешней политики нашей страны и многое другое. Нас поразило, насколько порой по-разному вспоминают одни и те же события их участники. Насколько по-разному интерпретируют факты. Действительно, «правда у каждого своя» (даже у людей из одного политического лагеря, из одной команды). Это, однако, вовсе не означает, что

воспоминания бессмысленны и «настоящую правду» невозможно найти. Наоборот, честные свидетельства непосредственных участников событий, особенно если они искренне готовы не только защищать сделанное, но и говорить о своих ошибках или нерешительности, помогают максимально приблизиться к пониманию того, «как это было на самом деле» и сделать необходимые выводы на будущее.

Большинство наших бесед публиковалось на сайте русского *Forbes* в 2010–2012 годах (и в сокращенной версии – в журнале). Мы бы хотели выразить огромную благодарность Владимиру Федорину, курировавшему этот проект в журнале, а позже ставшему редактором этой книги. Особая благодарность автору польских экономических реформ – Лешеку Бальцеровичу, любезно согласившемуся написать предисловие, и Карлу Бильдту, написавшему послесловие. И, конечно, всем нашим собеседникам.

Петр Авен, Альфред Кох

Книга, написанная из-под палки

Не давайте святыни псам и не бросайте
жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они
не попрали его ногами своими и, обратившись,
не растерзали вас.

Евангелие от Матфея 7:6

Я не хочу писать этот материал. Он получается корявым, тяжелым, злым... Не хочется в сотый раз талдычить одно и то же. Что вот, мол, Гайдар спас от голода и войны, дал шанс на свободу и прочую всякую дребедень.

Я почитал отзывы на смерть Егора в Интернете. Там было в том числе (мне показалось, что в подавляющем числе) и такое милое, родное наше российское паскудство, которое ни мне, ни одному из моих товарищей не пришло бы в голову, умри кто-нибудь из наших бравых критиков.

Вот умер сразу за Егором доктор рабочих наук Василий Шандыбин, и что, кто-нибудь из нас вылез с глубокомысленными изречениями типа «собаке — собачья смерть» или «тащить — не перетаскать»? Нет. А ведь Василий Иванович нас не жаловал. И напраслину возводил, и, будем откровенны, клеветал.

А по Егору — вылезли. Поизгалялись от души. Ничего не скажешь, христианнейшие люди. Не чета каким-нибудь зачуханным чехам или португальцам. А тут еще Попов с Лужковым вылезли со своим креативом*. Вонь стоит — хоть топор вешай. А им хоть бы хны. Мы, говорят, правду

* Лужков Ю., Попов Г. Еще одно слово о Гайдаре // МК. 2010. 22 января.

сказали. Вранье — откровенное, осознанное и циничное — называется у них правдой...

Ни пост, ни молитва не могут остановить во мне животной брезгливости и ненависти к этим «добрым людям». Нет во мне христианского смирения. Вот и получаются мои слова корявыми и тяжелыми. Злоба душит меня, и обида кипит в моей груди. Если бы речь шла обо мне — мне было бы все равно. Честно! Клал я на этих дорогих россиян с прибором. Как, впрочем, и они на меня. В этом смысле мы квиты. Но Егор... Он их любил. Это я знаю твердо. Он стоически переносил все поносные слова в свой адрес. Я думал, что хоть после его смерти эти уроды успокоятся. И что им не радоваться — они пережили его! Но нет! Пинают и мертвого, пляшут на гробу, ухмыляются, думают — как бы так позабористее поддеть... И врут, врут, врут...

Вот такие мысли обуревали меня, и тут мне позвонил Петя Авен:

— Слушай, мне кажется, вокруг Егора и вообще нашего тогдашнего правительства накручено столько всякой белиберды, что молчать уже неправильно. Причем я не выношу как апологетики, которой грешат некоторые наши товарищи, так и такой дешевой чернухи, какой нас порадовали Лужок с Гаврилой. Поэтому, если ты готов к спокойному и максимально объективному диалогу, мне бы хотелось сделать с тобой материал о Егоре, о нашем правительстве и вообще о том времени...

— Готов ли я к объективному и беспристрастному диалогу? Господи, да говно вопрос! Я вообще — идеал беспристрастности и пофигизма. Давай, Петенька. Делаем материал. Сам давно хочу. В лучших традициях объективности и беспристрастности. Самое время с моим нынешним элегическим и благостным настроением. Тихая, лиричная грусть и умиротворение. Разве это не то настроение, в котором нужно делать объективный и беспристрастный материал, а?

— Ну вот и отлично! Я к тебе завтра приеду, и мы спокойно поговорим.

Назавтра Петя был пунктуален, элегантен, ироничен и эрудирован. Говорил он четко и кратко. Рублеными фразами. Чувствовалось, что он хорошо все продумал.

Альфред Кох, февраль 2010 года

Петр Авен (П. А.): Я думаю, мы должны говорить о Гайдаре. Последняя статья Попова—Лужкова очень показательна. Даже больше реакция на нее. Мне кажется, очень важно говорить правду. Она, безусловно, у всех своя, но если каждый попытается быть объективным, то мы получим более или менее истинное представление о нем и его роли в истории нашей страны.

Альфред Кох (А.К.): Вообще-то, я очень рад, что у тебя возникла такая идея. У меня у самого язык чешется с тобой поговорить про Егора, потому что не так много у нас людей, с которыми можно говорить о нем, не впадая в пафос и не пытаясь изъясняться лозунгами, окрашенными либо в либеральные цвета, либо в идиотско-державные.

П.А.: Очень важно избегать самых крайних оценок. С одной стороны, мы слышим, что Гайдар виновен во всем том, что произошло с Россией, в развале Советского Союза, в уничтожении военно-промышленного комплекса, в экономической разрухе, и много чего еще. С другой — меня, честно говоря, не меньше раздражают пафосные речи о том, что Гайдар и его команда, к которой я имею честь принадлежать, спасли Россию, что, если бы не мы, был бы голод и холод...

А.К.: Петя, давай последовательно разберем основные мифы, которые возникли вокруг Егора и вообще того правительства.

П.А.: Согласен. И первый миф, который я предлагаю проанализировать, — это миф о том, что никто не хотел идти в правительство в конце 1991 года.

Тезис о том, что никто не хотел идти в правительство в 1991 году, повторяется очень часто. Будто бы только команда Гайдара решилась, а больше никто не хотел. Мне кажется, это неправда. К власти в то время рвалась масса людей помимо Гайдара, и взять на себя руководство правительством хотели очень многие. Особенно часто произносили фамилию Скокова Юрия Владимировича. Накануне известного решения все только и гадали, кого Борис Николаевич предпочтет — Гайдара или Скокова?

А.К.: Мне трудно судить о том, какие альтернативы были у Бориса Николаевича в тот период. Я, в то время еще работал в Питере. Но тем не менее Ельцин остановился на Гайдаре. Чем это было вызвано? Кто сыграл решающую роль? Головков? Бурбулис? Сам Гайдар?

П.А.: Я думаю, что мы к этой теме еще вернемся. А теперь я хотел бы поговорить еще об одном (ставшем в последнее время дискуссионным) тезисе, что команда Гайдара спасла Россию от голода, холода и гражданской войны. Я как либеральный экономист, считаю, что, если правительство народу не мешает жить, ни голод, ни холод не возникают. И хотя в 1991 году магазины были пусты и купить, не выстояв длинную очередь, ничего было нельзя, я не видел в Москве ни одной павшей лошади, так чтобы ее на куски резали на Тверской, как в 1918 году в Петрограде.

Более того, я помню, что в Москве в 1991 году работали рестораны и в квартирах тоже никто особенно с голоду не умирал, да и о холоде были панические разговоры, но реально особого холода не было. На мой взгляд, крайности хвалебные провоцируют крайности ругательные.

А.К.: Относительно того, как в то время в Москве, да, впрочем, и в Питере, работали рестораны, ничего не могу сказать. Сие мне неизвестно, поскольку у меня в тот момент не было денег, чтобы ходить по ресторанам. Я работал председателем райисполкома в Сестрорецке. И могу сказать, что сейчас нам кажется, что все это было хиханьки да хаханьки, но в то время жизнь мне не казалась такой уж благодатной. Я, например, помню, как однажды подвезли фуру с курой в магазин. Магазин уже закрывался, так люди выбрали себе организационный комитет, который должен был всю ночь сторожить эту куру, чтобы ее «торгаши по своим не рассовали». И я вынужден был милиционера на ночь к этой фуре приставить. Иначе они не расхodziлись.

Потом эти бесконечные депутатские комиссии, которые мы в райсовете создавали по распределению гуманитарной помощи. Эти пайки бундесвера, эти кроссовки, это шмотье драное. Тушенка китайская, какие-то субпродукты заграничные, ужасно унижительно — это же были подачки, милостыня. Все это на ура расходилось. Запад банально спасал нас от голода. Поэтому говорить, что все было здорово, потому что работали рестораны и не ели сдохших кошек, собак, крыс, — это довольно наивно.

Но и про «36 случаев смерти от голода» в Зеленограде — это явный перебор. Тут Лужкову или Попову в их вранье изменило чувство меры. Я не исключаю, что, может, и были какие-то случаи голодных смертей. Так они и сейчас происходят.

Вон давеча (04.02.10) в Интернете была информация: «О двойной трагедии на Зеленоградской улице сообщает РИА “Новости”: умерли отец и дочь, первый — от сердечного приступа, а вторая, оставшись без присмотра, — от истощения. Правоохранительные органы Москвы устанавливают обстоятельства смерти 40-летнего мужчины и его трехлетней дочери. По предварительным данным экспертизы, смерть мужчины и девочки наступила около 30 суток назад. Судмедэксперты полагают, что отец и дочь умерли в новогодние праздники. По данным *LifeNews*, мужчина скончался от сердечной недостаточности, а его трехлетняя дочь-инвалид, которую он воспитывал в одиночку, — от истощения. Тела погибших направлены в морг. Решается вопрос о возбуждении уголовного дела. Напомним: похожий случай произошел в октябре 2009 года. В квартире жилого дома в Хо-

рошевском районе Москвы были обнаружены тела мужчины и его сына. Мужчине было 32 года, а его ребенку полтора года».

И что? Трагедия, конечно, но никому же не приходит в голову вешать эти смерти на Лужкова... И еще одна мысль: допустим, что это действительно имело место. Тогда очень характерно, что Лужков с Поповым, рассказывая об этих трагедиях, нисколько не чувствуют своей вины. А ведь они тогда были руководителями Москвы (а значит — и Зеленограда). Совершенно очевидно, что если эти смерти не вымысел, то тогда они в них виноваты даже больше, чем Гайдар! Эти геронтократы совершенно утратили способность посмотреть на себя критически...

П.А.: По поводу голодных смертей в Зеленограде я с тобой совершенно согласен. И также я не являюсь апологетом советской власти, как ты понимаешь. Моя жена тратила по четыре часа на покупку продуктов, обегая все окрестные магазины...

А.К.: Это когда вы из Вены приехали? На контрасте это особенно хорошо работает.

П.А.: И до того, как в Вену уехали, и тогда, когда из нее приезжали. Кстати, о Вене: когда ко мне туда приезжали в гости коллеги и друзья, я возил их смотреть мясные отделы магазинов. Для них это был шок.

А.К.: Ну да, я тоже в тот период фотографировался в Хельсинки на фоне мясной лавки...

П.А.: В Москве, да и вообще в стране, действительно была очень плохая ситуация. Нельзя было ничего купить. И когда сейчас говорят, что Советский Союз был рай на земле, — это ложь. Но тем не менее надо понимать, что голодомора тоже не было. Кур-то ведь как-то покупали... Хотя если бы еще потянули с освобождением цен, то до голода, может быть, и дошло бы.

А.К.: Вот именно! По моим тогдашним ощущениям, мы к нему шли семимильными шагами. И я, кстати, Егору как-то уже сказал — жалко (грех, конечно, так говорить), что мы все-таки не дождались этого голода. Не дай Бог, я, естественно, утрирую, но вот если бы мы его дождались, на собственной шкуре его испытали, тогда бы то, что ты сделал, было бы оценено по достоинству. А поскольку ты своими действиями, за пять минут до его прихода, голод предотвратил, то теперь можно рассказывать все, что угодно...

П.А.: С другой стороны, если бы Гайдар пришел на год раньше, может быть, можно было бы делать реформы, а не спешно спасать страну. Это

большая проблема реформаторов: они приходят делать реформы как раз тогда, когда надо уже не реформы делать, а что-то такое спасительное, что зачастую противоречит реформам.

А.К.: Абсолютно верно. Я с Егором на эту тему много разговаривал. И он был согласен: он делал не рыночные реформы, и не либеральные реформы, и не шоковую терапию. Первые несколько месяцев он делал то, что было однозначно необходимо без всяких вариантов, и свободы выбора для него было равно ноль. Он делал ровно то, что делало бы любое ответственное правительство на его месте.

П.А.: Не совсем так, но почти так. Это как раз то, о чем я говорю: всегда в таких ситуациях получается смешение реформистского начала и начала спасения...

А.К.: «Спасение» как-то уж очень пафосно звучит. Можно ведь и по-другому посмотреть. Помнишь, как нас учили в школе: принцип разумного эгоизма? Если ты хочешь усидеть в своем кресле, ты должен это делать. Иначе тебя сметут просто. И опять же, это было задано условиями, нужно было либо делать все быстро, либо не делать никак.

П.А.: Из того, что говоришь ты, получается, что любой на месте Гайдара делал бы то же самое.

А.К.: Да. Если он ответственный человек, который хочет хорошо выполнить свою работу. А не наворовать денег.

П.А.: Это верно.

А.К.: И тут возникает вопрос: а что, предыдущее, силаевское правительство было безответственным, что ли? Притом что Силаев², видимо, был очень ответственный человек. Но оно занималось всем, чем угодно, кроме того, чтобы заниматься действительно нужными вещами и тем самым предотвратить нарастание тех проблем, из-за которых дальнейшие действия правительства Гайдара были такими вынужденно болезненными.

Чеки «Урожай-90»^{*} – чистой воды афера, договор с Noga^{**}, лишаящий Россию суверенного иммунитета, – кто все это делал? Силаев,

^{*} «Урожай-90» – схема по выкупу у крестьянских хозяйств продовольствия по государственным (низким) ценам с правом для продавцов приобрести в дальнейшем дефицитные товары – автомобили, бытовую технику и т.п.

^{**} Весной 1991 года Совет министров РСФСР заключил соглашение со швейцарской фирмой Noga о кредите на сумму около 420 миллионов для за-

Кулик³? Да! Ущерб, как материальный, так и репутационный, оценить невозможно. Но он огромен. Как любит говорить наш национальный лидер: где посадки? Писанина каких-то несбыточных реформ, программа «500 дней». Маниловщина сплошная. Силаевское правительство, находившееся у руля полтора года, было абсолютно неадекватно ситуации!

П. А.: Но ты не забывай, что почти все время, пока премьером был Силаев, существовал Советский Союз и, соответственно, союзное правительство. И суверенитет России, хоть и провозглашенный 12 июня 1990 года, был во многом формальным, неработающим. Полномочиями, необходимыми для реализации полномасштабных реформ, то правительство не обладало.

А. К.: Пожалуй. Здесь, может быть, я и перегибаю палку, но это топтание на месте в течение двух-трех лет и сделало очевидные и простые шаги Гайдара, типа освобождения цен, такими брутальными и шокирующими, такими болезненными и политически окрашенными.

В освобождении цен нет никакой политики, как ее нет в операции по удалению аппендицита. Если не удалишь, человек умрет — и все, точка. К чему дискуссии? Когда делать, в каком объеме, в какой последовательности — все это словоблудие говна не стоит. Делать надо было еще вчера, сразу и радикально. По частям — только болезненнее, а результат в итоге будет тот же.

П. А.: Это очевидно: если бы все началось тогда же, когда в Польше, Чехословакии, Венгрии, то есть в 1989 году, многие вещи дались бы проще и обошлись бы меньшими издержками — как денежными, так и политическими.

А. К.: 1991 год, если ты помнишь, он же не с приходом Гайдара начался! Гайдар пришел под 7 ноября (кстати — очень характерно). А собственно правительство заработало только в январе. Вы же два месяца фактически потратили на то, чтобы подготовить всю нормативную базу для реформ. То есть реально оперативное управление экономикой началось с 1 января.

купки продовольствия. По этому соглашению Россия отказалась от государственного иммунитета. Долг должен был погашаться поставками нефтепродуктов. В 1993 году правительство России расторгло договор. Нога несколько раз арестовывала российское имущество за рубежом, пока в 2007 году Верховный суд Швейцарии не вынес решение в пользу России.

П. А.: Не совсем так. И до Нового года надо было доставать и делить валюту, надо было закупать медикаменты, надо было распределять рубли, командовать промышленностью... Оперативное управление было с первого дня.

А. К.: Но по-настоящему правительство заработало с 1 января.

П. А.: Правильнее сказать: на своей нормативной базе правительство заработало с 1 января.

А. К.: Совершенно верно. И собственно, первым актом, с которого мы почувствовали, что вот появилась новая власть, было освобождение цен. Это считалось самым главным.

П. А.: Это и было самое главное.

А. К.: Но до этого предыдущий, 1991 год состоял из многих событий. Он, например, состоял из январской денежной реформы, проведенной союзным правительством Валентина Павлова⁴. Я поражаюсь, почему об этом вообще не говорят у нас. Ведь это павловская реформа уничтожила вклады граждан, а никак не Гайдар! И я, как председатель райисполкома, эту реформу прекрасно помню. Это же я был тот «чиновник на местах», который проводил эту реформу в жизнь! И я помню, что со вкладов в Сбербанке разрешили снимать не более 500 рублей в месяц.

П. А.: Этого не помнит вообще никто.

А. К.: И к тому моменту, когда Гайдар со своей командой пришел в правительство, этих вкладов уже не было в Сберегательном банке СССР. Все вклады были изъяты из него союзным правительством и направлены на финансирование дефицита союзного бюджета. Таким образом, Гайдар никак не мог уничтожить вклады населения (или, как говорят некоторые, — украсть). За неимением объекта уничтожения. Помнишь, как в «Операции «Ы» один из персонажей говорил — красть ничего не надо, все уже украдено до нас...

П. А.: Абсолютно. Никаких денег не было вообще. Уже полгода как. Это вот первая большая ложь о Гайдаре — что Гайдар уничтожил сбережения населения. Сбережений уже не было, были записи на счетах, за которыми ничего не стояло. Гайдар сделал лишь то, что признал этот факт. Не бегая и не придумывая объяснений.

А. К.: По логике обвинителей Гайдар раскрутил инфляцию и тем самым обесценил вклады.

П.А.: Вкладов уже не было никаких, поэтому с точки зрения инфляции это все полная чушь. Ноль рублей не подвержен инфляции. Что, я думаю, действительно можно обсуждать, — что вся тематика социальной поддержки была на обочине. Прежде всего я говорю о пенсионерах. Какие-то специальные формы поддержки пенсионеров в 1992 году можно было придумать. Пусть даже символические. Может быть, непропорционально больше ваучеров давать пожилым людям, земли под огороды, под садовые участки, под индивидуальное строительство.

А.К.: Но это не очень-то помогло бы людям в тот момент...

П.А.: Скорее всего, это фундаментально ничего бы не изменило. Но какие-то хотя бы попытки облегчить положение пенсионеров за счет того, что у государства было в руках, — да та же земля, можно было сделать. На эту тему нужно было больше думать, и то, что об этом не думали, на мой взгляд, это одно из упущений. Люди бы увидели, что правительство хотя бы пытается что-то для них сделать...

А.К.: Это скорее были бы пиар-акции, чем реальная помощь.

П.А.: Не вполне. Но, кстати, и пиар-акции — одна из главных вещей, которые не были сделаны. Никаких коммуникаций с народом, безусловно, не было вообще. Это тоже фундаментальная вещь. То, что павловская реформа уничтожила сбережения, а не Гайдар, — этого сейчас никто не помнит. И во многом не помнят из-за того, что мы сами об этом не говорили и не говорим. Отсутствие коммуникации — это важное, большое упущение.

А.К.: У меня какая-то странная получается роль: я должен оправдывать правительство, в котором ты работал, а ты на него нападаешь. Впрочем, меня это устраивает!

У меня есть еще много вопросов, которые я задавал еще Егору. Вот смотри — все время говорят: правительство Гайдара, правительство Гайдара, Гайдар пришел к власти... А я думаю, что Гайдар ни хера не имел никакой власти!

П.А.: Это еще один мой упрек нашему правительству. И самый главный.

А.К.: Во-первых, он не влиял никак на денежную политику по-настоящему, потому что не контролировал Центральный банк.

П.А.: Это еще полбеды. Центральный банк все-таки более или менее он контролировал. Во всяком случае ЦБ хоть как-то координировал свою политику с нами. Это было, конечно, не то, что хотелось, но хоть что-то.

А.К.: А силовики? А пропагандистский аппарат? А МИД?

П.А.: Абсолютно верно. Пропагандистский аппарат находился в руках Михаила Полторанина⁵, который, мягко говоря, не был нашим союзником. Мягко говоря. На самом деле, безусловно, он был противником. Силовики — это вообще отдельная тема. Вот как сейчас Лужков с Поповым обвиняют Гайдара в том, что он, по сути, американский агент, точно так же в наше время силовики вменяли нам, что мы шпионы всех разведок. Ежедневно писали Ельцину бредовые доносы.

Одним словом, мой главный упрек нашей собственной команде — это то, что мы, безусловно, не были властью. Мы были около власти. А все эти реформы, если вы их делаете, не будучи властью, всегда кончаются тем, чем они у нас и кончились. И для страны в целом, и для реформаторов в частности. И, конечно, для Егора.

А.К.: Мы вскользь коснулись того, что помимо Гайдара на место руководителя реформ смотрелся Скоков. Но, видимо, кроме него еще много кандидатов смотрелось?

П.А.: Мы говорили, что не отказалось бы много людей. Я думаю, что не отказался бы и Лужков, и Явлинский⁶ бы не отказался, и Лобов⁷ бы не отказался. Поэтому то, что Гайдар оказался единственным, а все остальные свалили, — это ложь. Но Ельцин выбрал Гайдара. Почему он его выбрал? Ведь действительно мы считали, что главный кандидат — Скоков.

А.К.: А Явлинский?

П.А.: Гриша Явлинский тоже не отказался бы, наверное. Ну, может быть, поторговался бы, как обычно, какие-то полномочия особые попросил, что-то еще, но в принципе он бы тоже пошел бы. Почему же Ельцин взял Гайдара? Я вижу причин две. Самая главная, и в этом было величие (именно величие — я не побоюсь этого слова) Бориса Николаевича, что он понял в какой-то момент: надо радикально все менять. Все эти люди из старых обоев — Лобов, Попов, Лужков, Скоков, кто угодно, — они все предлагали какие-то стандартные госплановские меры, а эти меры — не работали.

А.К.: Какой-нибудь местечковый вариант венгерского социализма?

П.А.: Да. Какой-то социализм с элементами рынка. А надо было радикально, радикально все менять. Все старое, все эти мертвые социалистические рецепты не работали. Я сейчас читал мемуары Чернышева, это вроде бы самый умный советник был у Горбачева. И я вспомнил, что

Гайдар в 80-х годах рассказывал мне о предыдущем поколении горбачевских еще реформаторов: о Черняеве⁸, Шахназарове⁹, Бовине¹⁰... Мы же, когда были мальчишками, считали, что это такие крупные мыслители. Именно Гайдар первым без всякого пиетета их описывал, у него не было никаких иллюзий. Егор очень хорошо знал себе цену и легко мог дать понять собеседнику свой истинный масштаб. Он при этом очень хорошо понимал масштаб других людей. И он сказал, что эта горбачевская команда — ужасно слабая, что они неспособные совсем, причем надутые такие еще... Надутые, не очень умные, не очень образованные. Марксисты-реформаторы, одним словом. Гайдар им дал очень трезвую оценку и очень рано. Я вот сейчас, читая эти мемуары, убеждаюсь, насколько он был прав.

И, возвращаясь к теме Ельцина и его выбора, могу сказать, что и Лобов, и Скоков, и все остальные — они интеллектуально, конечно, были из тех же, из совка, и это было совсем не то, что нужно. И Ельцин это понял. Он понял, что нужно что-то совершенно новое. И Гайдар был этим новым.

Вот это первое, и я думаю, что главное. Второе — это то, что от личного общения с Гайдаром у Ельцина был культурный шок. Гайдар, безусловно, его покорила своей образованностью, специальными экономическими знаниями. И что еще важно было — решительностью. В реальности Гайдар, конечно, был менее решительным, чем мог казаться (если хотел). И я думаю, у Ельцина было твердое ощущение, что это те ребята, которые ничего не боятся. Он, наверное, подумал, что они будут землю рыть, они не связаны ни с какими советскими властными группировками, у них нет сентиментальности в отношении кого бы то ни было из высших эшелонов и они будут брать в свои руки рычаги власти. И вот это, мне кажется, тоже повлияло на решение Ельцина.

Я уверен, что Ельцин почувствовал, что Гайдар очень хотел. Понимаешь, когда ты человека принимаешь на работу и человек очень хочет, эта его энергия и упорство влияют на твое решение. Когда человек очень хочет, он будет больше стараться. Гайдар очень хотел! И Ельцин, я думаю, хотя и понимал, что многие согласились бы, выбрал Гайдара...

Вот Явлинский согласился бы. А Гайдар ужасно хотел. Это большая разница. Я думаю, что Борис Николаевич это тоже почувствовал.

А. К.: Но то, что ты сейчас рассказал, противоречит тому, что ты раньше говорил: что в результате Гайдар проиграл, потому что не боролся за власть. Сними это противоречие.

П.А.: И то и другое верно. Гайдар очень хотел власти, потому что он был реформатором. Но к ведению политической борьбы был не готов. Он, скажем так, в какой-то степени был реформатором «идеальным».

А.К.: В таком случае у него и представления о политической борьбе были достаточно идеалистические. Он не предполагал, что у политической борьбы просто нет правил.

П.А.: Совершенно верно. Он очень хотел, с одной стороны. Но не умел. Но то, что он хотел, — это точно. И третья вещь, про которую я все время забываю, — я думаю, что фамилия Гайдар сыграла роль.

А.К.: Может быть. В мой образ Ельцина это как раз укладывается. А что касается Егора, я убежден, что он просто прошел некоторую трансформацию, потому что на последнем этапе своей жизни он уже не хотел никакой власти. Мне кажется история такой: сначала он хотел власти. Потом он узнал, что нужно сделать для того, чтобы ее добиться. И с этого момента он ее расхотел. Потому что то, что нужно было делать, чтобы ее добиться, он делать не хотел.

П.А.: Он, конечно, был не борец, в том смысле, в каком у нас принято считать людей политическими борцами. Он не умел нагло и агрессивно тянуть одеяло на себя. Но я думаю, что тогда, когда он говорил с Ельциным осенью 1991-го, он ужасно хотел власти.

А.К.: Ему показалось, что поляна чистая, можно небольшим количеством неизбежной мерзости добиться большого позитивного результата.

П.А.: Да. А все дерьмо полезло, когда начавшиеся реформы выявили первые сложности. Сразу выявились сложности не только подковерной, но и публичной политической борьбы. Сложности, гадости... Я думаю, что Гайдар, как человек достаточно опытный, поначалу справлялся. Но постепенно накал страстей становился сильнее, чем на излете застоя, а у Гайдара если и были адекватные представления о политической борьбе, то представления 80-х, а не 90-х.

А.К.: Я сейчас не собираюсь сводить политические счета, я просто хочу напомнить, что 1991 год начался не в ноябре 1991 года. И до момента, когда пришел Гайдар, что-то ведь происходило в стране. Может быть, ты более информирован, чем я: что же все-таки случилось, почему Явлинский не стал реализовывать свою программу? Ведь российский съезд народных депутатов дал ему карт-бланш, и единственное, чего он

не добился, — это согласия союзного парламента. Но после августа оно не очень и нужно было*...

П.А.: Это странная история... Я в последнее время читаю про 1991 год, такое ощущение, что власти вообще не было ни у кого. До этого власть всегда была у кого-то. А тут вообще ситуация полного безвластия. Стало невозможно ни принять решение, ни отменить...

А.К.: Но какие-то решения все-таки принимались?

П.А.: Приниматься-то они принимались. Но в этом не было никакого проку. Мелкая лоббистская суeta. Вроде программы «Урожай-90». Или краснодушие союзного центра, типа «ребята, давайте жить дружно!» Нет. В принципе реальной власти не было ни у кого. А все эти реформы нужно было делать достаточно авторитарно.

А.К.: И что, у Ельцина власть вдруг появилась как в сказке в ноябре 1991 года?

П.А.: Похоже, что так. К этому моменту у Ельцина в силу огромного количества причин сконцентрировался достаточный властный ресурс, и стало можно принимать необходимые решения. У него был достаточный уровень легитимности, поддержка народа, российского парламента, а союзный центр, напротив, власть постепенно утрачивал и из-за сепаратизма республик, из-за того, что многие переходили на сторону Ельцина, и, самое главное, союзный центр лишился поддержки народа после августа, после ГКЧП.

А.К.: Был же межреспубликанский комитет, возглавляемый Силаевым, и Явлинский у него был первым замом...

П.А.: Вот, кстати, и ответ на твой вопрос про Гришу. Явлинский, видимо, сделал ставку на союзное правительство — и проиграл. Может, именно этого он никогда не смог простить Ельцину, а Ельцин — ему.

А.К.: Насчет безвластия ты, наверное, прав. И здесь моя либеральная жилка дает о себе знать. Смотри: мы практически с августа, а может, давай будем откровенными, с января 1991-го прожили без правительства. И ничего. Из этого я делаю вывод, что вообще правительство-то не нужно!

* С поста заместителя председателя Совмина РСФСР Григорий Явлинский ушел в октябре 1990 года. В ноябре 1991 года он был зампреда Комитета по оперативному управлению народным хозяйством СССР, ответственным за экономическую реформу.

И еще одна мысль мне нравится. Что говорят оппоненты ельцинского периода, того, который мы прожили в пресловутые «лихие девяностые»? Они постоянно говорят о том, что Ельцин развалил армию, флот, экономику, мы были слабые и т. д. А зато теперь будто бы Путин все это укрепил, укрепил суверенитет, и теперь на нас никто не нападет, нас не ограбят. Вопрос: если угроза нападения, ограбления и захвата наших сокровищ — это перманентная угроза в течение всего существования России, то почему в течение этих 10 лет, когда мы были слабы и у нас было все развалено, на нас никто не напал и нас никто не захватил?

П. А.: Потому что мы не нужны никому...

А. К.: Да, но из этого вытекает совершенно очевидный тезис: если мы никому не нужны, никто на нас не нападает и нападать не собирается, то зачем мы тогда укрепляем нашу армию и флот? И тратим на это деньги?

П. А.: Помнишь, как в «Собачем сердце» профессор Преображенский говорит — виноват, вы не сию минуту хотите открыть дискуссию? То есть если ты хочешь обсуждать армию и флот, то это совсем другая тема...

А. К.: Хорошо-хорошо. Давай тогда про внешний долг. Это ведь еще одна претензия к Гайдару и к вашему правительству. И к тебе персонально как к человеку, отвечавшему за этот вопрос. Зачем вы весь союзный долг взяли на себя?

П. А.: Какая ситуация была с внешним долгом. Во-первых, Запад долго не мог для себя решить, с кем разговаривать: с нами или с союзными властями, которых уже к тому моменту де-факто не существовало. Но западные бюрократы этого не хотели понимать и принимать.

А. К.: Запад был против развала Советского Союза?

П. А.: Бюрократия Запада — это точнее. Запад и западная бюрократия — это две разные вещи. Западная бюрократия, отвечавшая, в частности, за получение внешнего долга, конечно, была против. У них все было на мази: есть налаженный и отработанный годами процесс получения долга, есть с кого получать, все ясно и понятно. И неожиданно эта страна исчезает. Как-то нехорошо.

А. К.: Здесь у меня сразу вопрос. Западная бюрократия, она все-таки в большей степени подчиняется политической логике и политическим властям, чем российская?

П.А.: Логика там такая, какая бывает у любой бюрократии, — безопасность собственных позиций и незыблемость установившегося порядка. Когда мы пришли, а я с самого начала отвечал за внешний долг, первой их реакцией был ужас. С кем говорить, как получать внешний долг, как и с кем обговаривать его получение? Всем было непонятно. Они долго вообще отказывались с нами разговаривать и признавать очевидное — СССР больше нет и, соответственно, нет привычных для них правил и визави на переговорах. Поначалу мы решили разделить долг пропорционально между всеми республиками бывшего СССР, но западные бюрократы не хотели этого слушать в принципе, потому что им хотелось вести переговоры с кем-то одним, а не с группой маловменяемых суверенных республик. По-своему они были правы.

Мы понимали, что если не урегулируем отношения с Западом по поводу долгов, то не получим от МВФ, от правительств, от компаний никаких кредитов, инвестиций, займов. То есть не сможем выйти на мировой рынок капитала. А для нас это было критично.

Поэтому под влиянием наших западных коллег была выработана позиция о солидарной ответственности. Они говорили: вы там разбежались, но вы все вместе отвечаете за внешний долг. Как вы там между собой будете делить его, нам неважно, но отвечать будете все вместе.

Очень скоро выяснилось, что эта схема тоже не работает. Потому что ряд республик в принципе не могли платить ни цента. Например, Таджикистан. Или Молдавия. Грузия, наконец. А как ты понимаешь, принцип солидарной ответственности предполагает, что если хотя бы одна страна не платит, то отвечают все равно все.

Потом, даже в рамках солидарной ответственности долг нужно было поделить между бывшими республиками. Запад это очень пугало, поскольку ясно было, что вопрос о том, как делить, затянется на годы и десятилетия. У каждого же свои аргументы. Например, прибалты отказывались даже начинать переговоры на эту тему. И это была еще не самая тяжелая позиция. И в этой ситуации мы посчитали, что нам, безусловно, разумнее взять все на себя.

А.К.: Почему?

П.А.: Во-первых, необходим был доступ к рынку капитала. Без этого разрушительный спад преодолеть было невозможно. Необходимы были прямые инвестиции, для финансовой стабилизации — кредиты МВФ и т.д. Транши МВФ мы получили во многом (если не исключительно) благодаря тому, что урегулировали вопрос долга.

Потом, на нас так и так приходилось больше 61% долга. Если бы мы его поделили, российский кусок был бы все равно большой, хоть по ВВП, хоть по населению, хоть по чему-то еще. Поэтому то, что мы дополнительно брали на себя, было относительно немного.

Во-вторых, мы считали, что СССР, конечно, много денег был должен, но и ему должны были никак не меньше. Обязательств перед Советским Союзом было примерно на \$150 млрд. Плюс, если мы становимся единственным правопреемником СССР, то все его имущество за рубежом становится российским, а это еще миллиарды долларов.

Еще мы рассчитывали, что нам долг выгодно реструктурируют. К тому же это решение в целом укладывалось в логику правопреемства СССР, согласно которому Россия получила место в Совете Безопасности ООН и статус ядерной державы.

И благодаря такой нашей позиции мы уже в январе, когда все это начали, добились от МВФ согласия на финансовую помощь. Вот откуда фраза Лужкова и Попова, что Гайдар получил миллиарды долларов финансовой помощи. И летом 1992 года мы ее получили — \$1 млрд. Это было, безусловно, очень мало. Но это была критически важная помощь. В 1993–1994 годах Черномырдину¹¹ дали еще 3 млрд.

А.К.: Да, я помню, что за все 90-е были получены какие-то смешные деньги. Итак, логика была такая: мы получаем не только долги, но и активы в виде долгов нам, имущество за рубежом, плюс политическое решение в виде членства в Совете Безопасности и т.д. Но правильно ли я понимаю, что из перечня тобой перечисленных аргументов один оказался неверным: мы рассчитывали на хорошую реструктуризацию, а этого не случилось...

П.А.: Неправда. Это случилось. Соглашение с Парижским клубом было замечательным. Оно было написано на условиях не хуже, чем у поляков, чем у остальных стран Восточной Европы. Реально. Условия, которые мы согласовали в 1992 году и подписали в 1993-м, были очень выгодными. И Россия стала признанной страной, отношения с Западом нормализовались.

А.К.: А что выяснилось по поводу долгов нам?

П.А.: Тут были и удачи, и поражения. Например, платежи от Индии были значительны. Только Индия была должна 10 млрд.

А.К.: И она их платила?